

Таттимбетова К.О.¹, Джолдасбекова Б.У.²,

¹докторант PhD, ²д. ф. н. профессор
Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: kuralay555@mail.ru; dzholdasbekova.baiyan@kaznu.kz

КАЗАХСКИЕ УСТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ОДИН ИЗ ИНТЕРТЕКСТОВ В РУССКОЙ ПРОЗЕ И.П. ЩЕГОЛИХИНА

В статье рассматривается проблема изучения художественного текста как феномена культуры. Автор уделяет особое внимание анализу современной языковой личности русскоязычного автора, родившегося и выросшего в Казахстане. В статье автор дает информацию об «интертексте», «интертекстуальности» и «диалогичности», получивших широкое распространение в современной литературе. Автор рассматривает функциональные компоненты, которые выступают на первый план для определения интертекстуальности в произведениях русского писателя Казахстана Ивана Щеголихина. По мнению автора, рассмотрение каждого функционального компонента является актуальным для понимания и интерпретации жанрово-стилевого своеобразия литературных текстов различных жанров. Рассматриваются различные жанры произведения автора, насыщенные философскими рассуждениями, психологическими исследованиями героев и персонажей, содержат немало включений из других текстов в виде прямых цитат или реминисценций. Автор анализирует произведения Ивана Щеголихина, которые включают вставки устных текстов казахских преданий и легенд.

Описанные в работе положения о присутствии включений в виде текстовой или языковой вставки на страницах прозы И.П. Щеголихина представляют авторскую стратегию, особенно в плане межкультурного общения. Также в статье содержится большое количество примеров и количественных данных, иллюстрирующих и подтверждающих основные положения статьи.

Ключевые слова: автор, роман, интертекст, компонент, теория, текст, жанр, стиль, диалогичность, феномен, категория.

Tattimbetova K.O.¹, Dzholdasbekova B.U.²,

¹Doctoral candidate of PhD DSc, ²Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: kuralay555@mail.ru; baiyan_zh@mail.ru

The Kazakh oral texts as one of intertekst in the Russian to I.P. Shchegolikhin's prose

In article the problem studying of the art text as culture phenomenon is considered. The author pays special attention to the analysis of the modern language identity of the Russian-speaking author who was born and grown up in Kazakhstan. In article the author gives information on «interteksta», «intertekstualnost» and the «dialogicity» which were widely adopted in modern literature. The author considers functional components which act into the forefront for definition of an intertekstualnost in the proyzvedeniyakh of the Russian writer of Kazakhstan Ivan Shchegolikhin. According to the author consideration of each functional component is relevant for understanding and interpretation of a genre and style originality of literary texts of various genres. Various genres of the work of the author sated with philosophical reasonings, psychological researches of heroes and characters Rassmatirivatsya, contain many inclusions from other texts in the form of direct quotes or reminiscences. The author analyzes works by Ivan Shchegolikhin which include inserts of oral texts of the Kazakh legends and legends.

The provisions described in work about presence of inclusions in the form of a text or language insert on pages of prose of I.P. Shchegolikhin represents author's strategy, especially in respect of cross-cultural

communication. Also, article contains a large number of examples and quantitative data the illustrating and confirming basic provisions of article.

Key words: author, novel, intertext, component, theory, text, genre, style, dialogicity, phenomenon, category.

Таттимбетова К.О.¹, Джолдасбекова Б.У.²,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің ¹PhD докторанты, ²профессоры, ф. ғ. д.,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: kuralay555@mail.ru; baiyan_zh@mail.ru

Қазақтың ауызша мәтіндері И.П. Щеголихиннің орыс прозасындағы интертекст ретінде

Мақалада көркем мәтінді мәдениет феномені ретінде зерттеу мәселесі қарастырылған. Автор Қазақстанда туып, өскен орыс тілді жазушының қазіргі тілдік тұлғасын сараптауға аса назар аударады. Мақалада автор қазіргі әдебиетте кеңінен тараған «интертекст», «интертекстуалдық» және «диалогиялық» туралы ақпарат береді. Автор Қазақстанның орыс жазушысы Иван Щеголихиннің шығармаларындағы интертекстуалды элементтерді анықтауға бағытталып, алдынығы қатардағы функционалды компоненттерді қарастырады. Автордың ойынша, әр функционалды компонентті қарастыру әр түрлі жанрдағы әдеби мәтіндердің жанрлық-стилдік өзгешелігін интерпретациялауда өзекті болып табылады. Автор шығармаларының философиялық толғауларға, кейіпкерлер мен персонаждардың психологиялық зерттеулеріне толы әр түрлі жанрлары қарастырылады және басқа мәтіндерден енген тікелей цитата немесе реминисценция ретіндегі көптен қосындылары бар. Автор Иван Щеголихиннің қазақ аңыздарының ауызша мәтіндері енген қосындылары бар шығармаларын зерттейді.

Суреттеліп отырған И.П. Щеголихин прозасының беттеріндегі тілдік және мәтіндік тұрғыдағы қосындылар мәдениетаралық қарым-қатынастағы қосындылар авторлық стратегияның ерекшелігі болып табылады. Сонымен қатар, мақалада айтылып отырған мәселелерді растайтын және көрнекі құралдар мен сандық мәліметтер, мысалдар келтірілген.

Түйін сөздер: автор, роман, интертекст, компонент, теория, мәтін, жанр, стиль, диалогтылық, феномен, категория.

Введение

Изучение художественного текста как феномена культуры считается плодотворным не только для выявления жанрово-стилевых особенностей произведения, но и для выявления собственно текстовых свойств, к которым относятся категории интертекстуальности, языковой текстовой личности, прецедентных текстов.

В этой связи интертекстуальный анализ современной языковой личности русскоязычного автора, родившегося и выросшего в Казахстане, представляется особенно привлекательным. Для такого писателя казахская культура не экзотика, а параллельная, близкая, наряду с русской, среда, в которой он осуществляет свою творческую деятельность. Более того, поскольку действия, описываемые в его произведениях, происходят только или в основном в Казахстане, то в его текстах часто встречаются казахские слова, по преимуществу разговорного характера, топонимические названия, образы казахской действительности, пословицы и поговорки в переводе на русский язык, чувство юмора, близкое казахскому менталитету. И всё это мотивировано содержанием произведения,

и отчасти его жанрово-стилистическими особенностями.

Эксперимент

В качестве иллюстраций приведем на выбор примеры из одной только повести И.П. Щеголихина «Хочу вечности».

«Из Цюриха покатали сразу в гору, как у себя на Медео». «Зато сразу после выхода из туннеля начался настоящий юг – много солнца, такого же яркого, как у нас». «По казахскому обычаю почётное место как можно дальше от входа». «Мудрость есть кратчайший путь к истине». «А потом суп с котом, говорят у нас в Баканасе». «Кто-то скажет, что скрывать – плохо, кто-то наоборот похвалит, а самый мудрый ничего не скажет». «Ни Чарына, ни избушки, ни охоты...». «Ну, а сам ты кто, уважаемый аксакал?» «Не владею искусством говорить тосты за дастарханом». «Приходится вспоминать казахскую поговорку: сто друзей мало, один враг – много». «Наш стандарт прост, как и во все времена: если хочешь получить ишака, то проси верблюда». «Есть удивительная казахская поговорка: «Чем одному искать правильную дорогу, лучше блуж-

дать со многими». «Правильно моя фамилия – Шегали-хан. От тюркского слова «гвоздь», так называли тех, кто шёл в солдаты, у них сапоги с гвоздями, а у тюрков сапоги шитые. От тюркского гвоздя пошёл русский щеголь». «Советский Союз защищали все народы. Казахи не меньше, чем русские проявили героизм и самопожертвование на полях сражений Великой Отечественной». «Спокойно, рассудительно и невозмутимо выступил Габиден Мустафин. О сложностях нашей жизни», «Интересно, а сколько тысячелетий круглому столу в юрте кочевника? И сколько самой юрте, тоже круглой и с отверстием в куполе, чтобы видеть звёзды...». «Нет Востока и Запада нет, нет у неба конца, нет Востока и Запада нет – два сына есть у отца» – сказал поэт Олжас» [1].

В понимании таких понятий как «интертекст», «интертекстуальность» и «диалогичность», получивших широкое распространение, были намечены несколько различных подходов, в каждом из которых на первый план выступает тот или иной функциональный компонент:

- теория, понимающая интертекстуальность как результат активного взаимодействия разных лингвокультурных кодов (Ю. Кристева, Р. Барт);

- теория, рассматривающая «смысл» текста в традициях герменевтики как взаимоотношение «текст» – «читатель» (М. Риффатер);

- теория, согласно которой история литературы является результатом столкновения разных авторитетов (Х. Блум);

- теория, в которой история литературы видится как результат отношения между отдельными произведениями и системой литературных жанров (Ж. Женетт) [2, 31].

Рассмотрение каждого функционального компонента является актуальным для понимания и интерпретации жанрово-стилевого своеобразия литературных текстов различных жанров. Это может быть связано с тем, что, если текст-вставка по жанру отличается от жанра принимающего текста.

С категорией интертекстуальность тесно связан диалогический характер интерпретации текста, обусловленный тем, что за всяким текстом стоит личность его создателя, и интерпретация сказанного в тексте требует объединения многих гуманитарных наук, раскрывающих культурно-исторический контекст, систему кода или, точнее, множество кодов, отражённых средствами языка текста.

Диалогичность понимания текста, как подчёркивает И.В. Арнольд, отмечалось ещё Шлей-

ермахером, но разработкой теории диалога и «чужого голоса» в литературе все обязаны М.М. Бахтину. Текст, по Бахтину, является той особенностью, которая выделяет человека как объект гуманитарных наук, и является основой взаимопонимания людей, их духовного контакта. Субъективное «вживание» в чужую культуру необходимо, но не достаточно. Оно определяет диалогическую суть общения, но глубинное творческое понимание должно происходить в контексте всей культуры» [3, 345].

Одной из причин недостаточной разработанности интертекстуальности как проблемы композиционно-стилистической, по мнению И.В. Арнольд на рубеже XX-XXI веков, является большое разнообразие размеров, форм и функций включения «другого голоса». Общий признак этих включений – смена субъекта речи, автор может дать слово другому реальному автору и процитировать его в тексте или в эпиграфе. Включения особенно различны по длине. Это может быть одно какое-то взятое в кавычки «чужое слово», каких в произведениях И.П. Щеголихина встречаются на многих страницах. «Включение может быть маркировано указанием на источник в тексте или в специальных комментариях автора, но нередко читателю приходится самому догадываться о первоначальном тексте, и тогда эта активная работа читателя становится фактором, повышающим удовольствие от чтения» [3, 352].

Вот, что по этому поводу пишет сам Щеголихин, как бы выражая своё отношение к феномену интертекстуальности: «Безымянные персонажи тоже герои повести, может быть, даже главные. Я не могу раскрывать их имена, ибо тайна сия велика есть. Писатель не паспортист, а всего лишь «прохожий секрет». О сотворении, воображении, выдумке, о литературном творчестве много было сказано мудрых слов».

Согласно теории интертекстуальности текст не автономен, его содержание и восприятие базируется на множестве межтекстовых и вне-текстовых связей разного рода. Смысл текста художественного произведения насыщен множеством цитат, отсылок к другим текстам, непосредственно, в явном виде включённых в текст (явление «текст в тексте», прецедентных текстов) или скрытых неявных ассоциаций, порождаемых текстом. Именно эти связи составляют содержание категории интертекстуальности. Характер репрезентации интертекстуальности в литературно-художественном произведении различен, что порождает разную степень насы-

ценности его интертекстами разного рода: от явной репрезентации (максимальная степень) до скрытой (минимальная степень) [3].

Термин «интертекстуальность» впервые был озвучен болгарской исследовательницей Ю. Кристевой в 1966 году в её докладе о творчестве М.М. Бахтина, сделанном на семинаре Р. Барта и опубликованном в 1967 году в виде статьи «Бахтин, слово, диалог и роман». Как пишет Натали Пьеге-Гро: «... интертекстовая концепция Ю. Кристевой, развившей и интерпретировавшей идеи не известного в те годы ни во Франции, ни вообще на Западе русского мыслителя, поначалу встретила сдержанный приём со стороны парижского интеллектуального истеблишмента. Понадобился авторитет Ролана Барта, поддержавшего и оригинально развившего основные положения интертекстовой теории, чтобы эта теория обрела «права гражданства» и, войдя в научный обиход, превратилась в объект критического анализа и многочисленных интерпретаций» [5, 8].

Российская исследовательница Н.А. Фатеева, предлагающая собственную теорию процесса интертекстуализации вслед за А.И. Арнольд, также утверждает о тесной связи теории интертекста с идеями М.М. Бахтина. «Термины «интертекстуальность», «интертекст» вместе с термином «диалогичность» получили очень широкое распространение (ср., например, работы Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Дерриды, М. Риффатера, Г. Блума, К. Тарановского, И. Смирнова, А. Жолковского, И. Ильина, Р. Тименчика, С. Золяна и др.). Однако, во-первых не существует чёткого теоретического обоснования понятий, стоящих за этими терминами, во-вторых, не получили полного развития идеи М.М. Бахтина, сформулированные им ещё в 1924 году в работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» [6, 5].

В книге Г.В. Денисовой во вступительной записке «Об этой книге» Стефано Гардзонио пишет, что «Интертекст до недавнего времени был словом модным, почти интерпретаторским талисманом, и обычно воспринимался и до сих пор воспринимается неоднозначно» [2, 5].

Через несколько лет эта же мысль, что интертекст стал модным направлением в мире литературы, повторила в своей книге М. Вилорайнен. Автор довольно обширного исследования, так же как и Г.В. Денисова считает, что интертекст связан с постмодернистским сознанием. По мнению исследователя, в постмодернистском сознании произошла не просто смена ориентиров,

приоритетов, ценностей, которая всегда происходит в живой культуре, но и трансформация самого категориального аппарата, с помощью которого эти ориентиры, приоритеты и ценности как утверждались, так и отвергались. Следствием такой трансформации и стала филологическая мода на интертекстуальность. «Недавняя филологическая мода на интертекстуальность была продиктована той же идеей засыпать рвы и стереть границы: тексты лишались статуса отдельности, наделялись свойством взаимопроникновения, результатом которого становился неисчерпаемый трансформизм смысла» [7, 467].

В аспекте нашей работы в этой цитате особенного внимания заслуживают мысли о взаимопроникновении текстов и о неисчерпаемом трансформизме смысла в лингвокультурном сознании автора и читателя.

О связи интертекста и лингвокультурного сознания индивидуума (автора) одним из первых вслед за Г.В. Денисовой отметил Ю.Н. Караулов в предисловии вышеназванной её книги: «Конечно книга – об интертексте: и как о фактологическом понятии и явлении, которое занимает сегодня умы многих филологов и без которого не существует уже сам мир текстов, и одновременно – как о методе герменевтического (через текст) анализа лингвокультурного сознания индивидуума (автора, читателя...)» [2, 9].

Сама автор книги «В мире интертекста...» в своих рассуждениях об интертексте исходит из трактовки его как «коммуникативной категории» и приводит системно организованный перечень десяти функций интертекста, которые соотносятся с общепринятыми представлениями о функциях языка в целом. Для нас очень важно отметить, что Г.В. Денисовой, как замечает Ю.Н. Караулов, сделана успешная попытка показать, что любая языковая личность, формирующаяся в рамках определённого лингвокультурного пространства, неизбежно оказывается под воздействием интертекстов и одновременно становится использующим их субъектом, организующим и упорядочивающим [2, 10].

Показательной в этом отношении и являются художественные тексты казахстанского писателя И.П. Щеголихина в литературном пространстве русской прозы. Все действия, описываемые в его рассказах, повестях, романах происходят в основном на просторах Казахстана – его Родины. Так, например, действия в романе «Старая проза» происходят в основном в городе Алматы и немного на севере Казахстана. Главный герой романа Павел Хомутов женится на казах-

ке Азии, которая ласково обращается к мужу, используя казахские слова «жаным», «алтыным», «кунным». «Она называла его по-разному: алтыным – мой золотой, кунным – моё солнце и больше всего ей нравилось называть его жаным – милый, дорогой, любимый». Слово «жаным», многократно употребляясь в романе, становится ключевым. В самом конце романа, когда жизнь вновь испытывает героя на прочность, слово «жаным» автор пишет с заглавной буквы. «Асия снова собралась рожать и сказала мужу: «Оу, Жаным, спускайся с горы славы, будем жить на мои декретные» (198). На память приходят стихи русскоязычного казахского поэта О. Сулейменова «Аз Тэ Обичам» (1968): «скажи негромкое: жаным, аз тэ обичам. Поддай мне руку, есть у нас такой обычай...» [8, 152].

Это один из многих примеров из авторского дискурса И. Щеголихина. Так, при воссоздании панорамы общественной и литературной жизни России 60-х годов 19 века в романе «Слишком доброе сердце» выведен главный герой – поэт и общественный деятель Михаил Михайлов – потомок легендарного Урака – героя казахских преданий, который близко к сердцу принимает беды и страдания казахского и русского народов. Находясь в экспедиции, он собирает сказки, народные предания, описания обычаев казахов и башкир. И. Щеголихин вкладывает в уста главного героя перевод необычного казахского слова «айналайн», так как считает, что «слово, язык живописуют душу народа». Слово «айналайн», действительно, как никакое другое «живописует» душу казахского народа, и его довольно трудно перевести на другие языки, в том числе и на русский.

Возможно, и это слово было использовано И. Щеголихиным под влиянием стихотворения О. Сулейменова «Айналайн» (1967 г.). В своей поэтической миниатюре О. Сулейменов вместо эпиграфа приводит перевод этого многозначного слова.

«Обращение к дорогому человеку – «айналайн».

«Кружусь вокруг тебя» – подстрочный перевод.

«Принимаю твои болезни» и «Любовь моя» – смысловые переводы. «Кружись, айналайн, Земля моя! Как никто, я сегодня тебя понимаю, я кочую, кружусь по дорогам твоим» [8, 144].

Различного жанра произведения автора, насыщенные философскими рассуждениями, психологическими исследованиями героев и персонажей, содержат немало включений из других

текстов в виде прямых цитат или реминисценций. Кроме этого, произведения И. Щеголихина включают вставки устных текстов казахских преданий и легенд.

Так, в конце повести «Шальная неделя» писатель мастерски использует исторический фразеологизм казахского языка военного времени «кара кагаз» – дословно «чёрная бумага» – похоронная на погибшего воина. С этим документом связана история, которую автор предлагает читателю, заканчивая повесть после рассуждений, напрямую связанных с понятием интертекстуальность. «Чем больше от сердца отрываешь, тем больше на сердце остаётся», – говорил поэт. Есть стихи, которые, воспринимаешь не думая. Есть стихи, которые, не подумав, не воспримешь, и они пройдут стороной, «как проходит косой дождь». А подумать – значит, добавить, преломить общее в частном, в личном» [4, 414].

Чтобы добавить, преломить общее в частном, автор в общую канву повести вставляет реальную грустную историю, в которой главную роль сыграл инвалид, потерявший ноги на войне. Безымянный солдат-инвалид совершает духовно-нравственный подвиг, о котором мало кто догадывался. (Свеча ничего не теряет, отдавая огонь другой свече).

«Удивительную историю рассказал мне один казахский писатель. Жила-была девочка в ауле перед войной, девушка шестнадцати лет. Полюбила юношу и проводила его на фронт. Получала письма, а потом в аул пришла похоронная. Но «кара кагаз», чёрная бумага, не попала ей в руки. На почте работал инвалид, потерявший ноги на фронте. Он стал писать девушке письма от имени погибшего воина: лежу в госпитале, ранен в руку, изменился почерк. Учись, любимая, работай, не унывай, встретимся после победы. И она отвечала: учусь, работаю, люблю и жду. Инвалид писал ей о несбывшейся мечте, о том, как из госпиталя он вернулся в строй, к своим друзьям-однополчанам, как дошёл до Берлина. Девушка отвечала, не зная, что письма её не идут дальше родного аула. Кончилась война, девушке уже двадцать лет. Надежда помогла ей вырасти бодрой, укрепила её. Письма стали приходить всё реже – служу в Германии, жив-здоров, на земле мир, мы уже взрослые, каждый вправе решать свою судьбу... Пришло время, девушка полюбила другого и вышла замуж. Сейчас у неё взрослые дети. О судьбе юноши узнала только через двадцать лет, когда в ауле поставили обелиск с именами павших» [4, 414].

По мнению Ю.Н. Караулова «понимание интертекста как коммуникативной категории открывает перед читателем (прогностический аспект) возможность взглянуть и на интертекст и на сам процесс коммуникации с новых позиций» [2, 10].

Одной из «базовых потребностей существования коммуникации как системы является потребность «перемещение в пространстве», которая транспортирует языковой и когнитивный материал между разными текстами во времени и в пространстве. Примером такого перемещения текста во времени и в пространстве является текст старинной казахской легенды, который использует И. Щеголихин в романе «Другие зори» в пятой главе под названием «Говорит Рудный». Текст легенды автор приводит опять-таки после внутреннего монолога главного героя, писателя Майорова, относительно понимания сказочных богатств, скрытых в недрах земли северного Казахстана. Эта легенда в метафорической форме объясняет происхождения наименования рек Аят и Тобол (гидронимов), а также, почему человек стал осваивать этот регион, превратив его в промышленный горнорудный центр республики.

«Надо дать слово Рудному, пусть говорит каждый, а ты сделаешь отбор. Рудный – людный. Как сказал поэт, «из них изо всех и из каждого я тку эту песню о себе». Из множества отберёшь для своей книги, своей именно, потому что отбор – это человек. «Вас нет люди, пока я вас не образую. И меня нет – без вас».

«Некогда в благодатном урочище с озером посредине стоял аул богача Сарбая... Однажды Сарбай взял колчан со стрелами и пошёл на охоту вместе со своим верным джигитом. По дороге на них напали волки. Преданный джигит увлёт стаю за собой и был растерзан, а Сарбай спасся бегством. У погибшего остался единственный сын по имени Тобол. Сарбай взял мальчика в свою юрту... Прошло десять лет. Тобол вырос красивым и отважным джигитом и полюбил дочь Сарбая красавицу Аят. И Аят полюбила юношу, но по закону предков пожениться они не могли – Аят ещё с пеленок была помолвлена с сыном знатного богача из Тургая».

Чтобы жениться на Аят, Тобол обещает через год привезти достойный калым. Своё обещание он выполняет, но, увы, с опозданием. Раненый от рук разбойников Тобол доставляет Сарбаю большой мешок рудных камней, которые Сарбай. Финал этой легенды глубоко трагичен из-за невозможности соединиться влюблённым: Аят утопилась в одной реке, Тобол – в другой.

«С тех пор река, что северней, называется Аят, а что южнее – Тобол. Они сливаются... Убитый горем, Сарбай вернулся в юрту, поднял мешок из воловьей шкуры и вытряс содержимое. И никаких сокровищ в нём не оказалось, а просто разные камни – белый, жёлтый, чёрный и серый упали к ногам Сарбая. Он разметал эти камни по всей округе, а самый тяжёлый и самый большой камень он велел бросить в озеро посредине урочища. С тех пор в народе живёт молва: тот, кто достанет камни Сарбая, будет самым богатым, женится на красивой невесте, обретёт счастье и продолжит род человеческий» [9, 338].

Резюме этой легенде подводит один из персонажей романа, утверждавший, что услышал эту легенду лет десять тому назад в бараке строителей от старого казаха, приехавшего к сыну на свадьбу. «А старые казахи почти все – поэты» [9, 338].

Результаты обсуждения

Полученные результаты анализа показывают, что интертекстуальные элементы в организации художественного текста выполняют важнейшую функцию.

По вышесказанному сам И.П. Щеголихин откровенно высказался на страницах своей автобиографической повести, тем самым определив свою позицию к рассматриваемой нами проблеме: «К советам Снегина творческим, по рукописи я прислушивался внимательно. Прочитав рукопись моего первого романа «Снега метельные», он буквально ошарашил мен: «Вы написали о целине, о событиях на Кустанайщине и умудрились по всему роману не показать ни одного казаха, не назвать ни одной казахской фамилии, хорошо ли это, Иван-свет-Павлыч? Замечание Снегина заставило задуматься, может быть, впервые – а ведь и впрямь события происходят на казахской земле и брать во внимание только русских да украинцев попросту неприлично, бесчеловечно. Я вписал роман в окружающую среду, и сам стал ближе к этой среде».

Анализ интертекстуальных элементов в произведениях Ивана Щеголихина показал, что художественная проза Ивана Щеголихина в самых различных её жанрах – интертекстуальна. И. Щеголихин как языковая личность, формировался в рамках билингвального лингвокультурного пространства. В этих условиях он, как русская языковая личность, понимал и воспринимал казахскую культуру и язык, как необходимый компонент для своей творческой деятельности.

Заключение

Таким образом, присутствие включений в виде текстовой или языковой вставки на страницах прозы И.П. Щеголихина представляет авторскую стратегию, особенно в плане межкультурного общения. Специального внимания интерпретатора заслуживают возможности и способы передачи

интертекстуальных знаков (казахской культуры) в другую лингвокультуру (русскую), как важная часть диалога читателя с автором. Для полноты понимания насколько это привносит своеобразие в жанрово-стилевую характеристику произведений Щеголихина, необходимо анализировать место включения, определяющего его функцию, особую форму включения и его жанр.

Литература

- 1 Щеголихин И.П. Хочу вечности. Повесть. – Алматы, 2000. – 320 с.
- 2 Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. – М., 2003. – 298 с.
- 3 Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб., 1999. – 444 с.
- 4 Щеголихин И.П. Шальная неделя. Повести. Пятый угол. – Алма-Ата, 1987. – 416 с.
- 5 Натали Пьеге-Гро. Введение в теорию интертекстуальности / Перевод с французского. – М., 2008. – 240 с.
- 6 Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Конрапункт интертекстуальности. – М., 2006. – 280 с.
- 7 Виротайнен М. Исторические метаморфозы русской словесности. – СПб., 2007. – 495 с.
- 8 Сулейменов О. Эссе. Публицистика. Стихи. Поэмы. Аз и Я. – Алма-Ата, 1990. – 592 с.
- 9 Щеголихин И.П. Старая проза: романы. Другие зори. – Алматы, 1990. – 416 с.

References

- 1 Shchegolikhin I. P. Hochuvechnosti. [I want eternity] Story. – Almaty, 2000. 320 p. (In Russian)
- 2 Denisova G. V. V mirintertekstualnosti: yazik, pamiyat', perevod. [In the world of the intertekst: language, memory, translation]. – M, 2003. – 298 p. (In Russian)
- 3 Arnold I.V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost. [Semantics. Stylistics. Intertekstualnost]. – SPb. 1999. 444 p. (In Russian)
- 4 Shchegolikhin I. P. Shal'naiyanedeliya. Povesti. Piyatyugol. [Crazy week. Stories. Fifth corner] – Alma-Ata, 1987. 416 p. (In Russian)
- 5 Natali Pyege-Gro. Vvedenie v teoriuintertekstual'nosti. [Introduction to the theory of an intertekst] Translation from French. – M, 2008. 240 p. (In Russian)
- 6 Fateeva N.A. Intertekst v mirtekstov. Conrapunktintertekstual'nosti. [Intertekst in the world of texts. Counterpoint intertekstualnost] – M, 2006. 280 p. (In Russian)
- 7 Virolainen M. Istoricheskiemetomorfozyrusskoislovesnosti. [Historical metamorphoses of the Russian literature] – SPb. 2007. 495 p. (In Russian)
- 8 Suleymenov O. Esse. Publicistika. Stixi. Poemy. Az I Ya. [Essay. Journalism. Verses. Poems. Az and I] – Alma-Ata, 1990. 592 p. (In Russian)
- 9 Shchegolikhin I. P. Staraiyaproza: romani. Drugiezori. [Old prose: novels. Other dawns] – Almaty, 1990. 416 p. (In Russian)